

Андрей Касс

Книга 2. Попаданцы

Глава 1. Остров невезения

Скромник

Как там в таких случаях говорят? Я крут! Как Чак Норрис. Даже круче. Ничего он со мной не смог поделывать. Почти. Сначала он старался зазомбировать. Щаз-з! Потом задействовал, что-то управляющее. Ага. А я буду стоять и смотреть. Морфей! Он очень удивился. Но мой «Морфей» на нем растаял. Так и гляделись. И все бы хорошо, если бы он не начал поединок воли. А тут главное, у кого сильнее энергетика. Поэтому он меня и заломал. Я не сдался, я просто отступил. Предварительно заблокировав двигательные центры. Так он, гад, сцапал меня и поволок. Схватил и чуть ребра мне не сломал. Сила в нем поистине немеряная. Такому мамонтов забивать. Кулаком, с одного удара. А Васька красавец! Только его длинные ноги над головой мелькнули и — бэмц! — мы втроем кубарем летим сквозь молоко портала. А на той стороне камни, щебень, булыжники. Вот мы по ним как раз и рассыпались.

Я встаю, потираю бок, потом ухо, потом колено. Смотрю. И оказываюсь я один в сознании. Раздумывать нельзя, некогда. Прыгаю прямо на Воланда, сажусь ему на грудь — удобно! — и настраиваю свой «туман». Закрываю глаза. Вот она, личность Воланда. Изрядно побитая васькиными ногами, но непобежденная. Окутываю ее со всех сторон «туманом». В несколько слоев, без щелей и дырочек. Чтобы не вырвалась. Отпускаю «туман», открываю глаза. Все, личность Воланда находится в моей личной интросфере. Бесконечной как Вселенная. Закрываю глаза, проверяю. Нету личности, нету воли. Древний, черт знает сколько тысячелетний маг — овощ. Ну разве я не крут?!

Мы с Васькой круты!

«Пф-ф-ф-ф», — странный такой звук, словно шарик сдулся. Очень резко оборачиваюсь. Никого. И ничего. А где портал бледно-розовый? Еще не понимая всего, чувствую большую подлянку. Ладно. Это не первая подлянка, которую я видел. Переживем. Оглядываю поле своей деятельности, то есть людей. Васька по какой-то причине вырублен, Воланд овощ, менты зазомбированы. Начнем, пожалуй, с ментов. Их личности подавлены зомбирующими закладками и лишены доступа к своему телу. От такого может и крыша поехать. А мне Мишки хватит. Вполне.

— Сесть! — приказал я им, и они послушно сели. Не хватало, чтобы они попадали от последующего постзомби-шока. Удаление зомби-закладок вообще-то не требует высокого искусства, но требует очень большого терпения. Если останутся следы, у человека может развиваться депрессия, переходящая в полное безразличие к жизни.

Ну с Романом, вроде все. Взгляд стал осмысленным. И злым. А что я хотел? Благодарности? Так не настолько я наивен. Когда тело стало, наконец, ему подвластно, Роман встал, взглянул на меня не особо хорошо и просто ушел. Это я оценил. Я знал, какая у него внутри буря эмоций. Сдержался — молодец. С ним налажу отношения. Потом.

Теперь Аркадий Михайлович. Бывший полковник ОБЭП. Ныне простой капитан, без шансов на майора. Хотя как там у Высоцкого: «Нам капитан сказал, еще не вечер!» А кстати, почему не вечер-то? Отвлекаюсь, смотрю на Солнце — точно поднимается, зараза. Утро, блин! Где это мы?

Так, так... Все. И что? Просто сидит. Изображает из себя каменную статую. Открывает рот. И выдавливает из себя неожиданное «Спасибо!»

Что я скажу? Непростой он человек. Молча уходит. Похоже, за Романом.

Теперь помочь Поэту.

Если кто не знает, я по своему таланту изначально целитель. Но ни у кого на целителя специально не учился, не сложилось. А потом из целителя взял да вырос мозголом. Таковы гримасы судьбы. Поэтому мне лечить нравится.

Это мое.

Что сначала? Сначала диагностика. Так... Не понял. Это что, он расшиб себе пятки от удара по голове Воланда? Да что ж у него за башка-то такая?! Каменная что ли? Теперь мне надо складывать мелкие осколки в полноценную пяточную кость, причем делать сие придется два раза.

А Васе надо поспать. Морфей! Вон там травка, тело туда. Долой «Адидасы». Были бы на нем берцы, и не пострадал бы так. Следующие часы мне предстоит заниматься нелюбимым делом, которое называется «телекинез». А как еще прикажете мне складывать пазл из мелких костных осколков? Благо, хоть торопиться мне некуда. Где-то в карманах завалился шоколадный батончик. Вот он. Сжевать его и за святое дело. Ибо на любимых пятках Ваське еще ходить и ходить.

Уф! Ноги затекли. И плечи затекли. Нельзя долго сидеть неподвижно. Но ведь не зря же. Все очень хорошо проделано. Лечилку осталось

наложить, и через несколько дней Васька пойдет своими ногами. А это еще что? Что это за странный стук?

Встаю и поворачиваюсь к каменистой площадке, где не так давно был бело-розовый портал. Роман сидит перед телом Воланда и методично бьет его огромным ножом по горлу. Нож отскакивает, видимо от позвоночника, а кровь из перерезанной шеи уже не идет. Кабздец! Волосы у меня на голове встали дыбом.

— Ты понимаешь, что сотворил?! Идиотина!!

— Я уничтожил нечистого. А что тебе не нравится, колдун?

У меня всего три-четыре минуты. Объяснять я ему ничего не буду. Да и бесполезно это.

— Брось нож. И уходи. Чтоб я тебя здесь больше не видел.

— Жалко? Не подпущу-у!! — Он взмахнул рукой, я резко отпрыгнул и прямо в полете врезал его «Морфеем». Нож стукнулся о траву, а Роман мягко рухнул там, где стоял.

Время! Время!!!

Туман! Остатки памяти тают на глазах. Жизнь вытекает из могучего тела Воланда. Зацепить хоть что-нибудь! Закутать туманом и в интросферу. Еще раз! Последний кусок! Все... Умер... Воландом звали.

Так, этот в отключке. А где же второй? Я

представил, как к мирно сопящему Поэту подползает коварный капитан полиции Козодой, и меня вынесло аж на пять метров вверх. Я лихорадочно начал озирать окрестности, но никакого Козодоя нигде не обнаружил. Куда ж он делся-то? Спрятался?

Аркадия Михалыча я нашел за большим валуном. Он лежал, раскинув руки, и во лбу у него была огромная шишка. Подхватил его левитацией и поволок к своему импровизированному медпункту. Ага. Средней тяжести сотрясение мозга. Это не страшно. Воткнул лечилку и понял, что устал. И жрать хочу. И дураков слишком много. И вообще, почему я один? Надо бы потрясти Козодоя.

Первым словом Аркадия Михалыча стало «сука», вторым «голова». После этого его взгляд стал более осмысленным, он поморщился, осторожно потрогал лоб и тут углядел перепачканного в крови Романа. Живописно лежащего рядом с трупом.

— Что этот дурак успел сделать? Ты его прибил?

— Усыпил я его. Хотя стоило прибить. А что сделал? Похоже, по его милости мы тут очень надолго застряли. Как бы не навсегда.

— Тут, это где? Это как застряли?

— Слышал, Аркадий, такой термин:

«попали»?

— Не слышал, но читал. В фантастических романах.

— Понятно. Скепсис имеешь к этому. Тогда ответь на вопрос: колдуны существуют? Как ты думаешь?

— Существуют. Ты же существуешь.

— Другие планеты существуют? Колдун по имени Воланд в силах протащить тебя через портал на другую планету?

— Сдаюсь, сдаюсь, — обозначил поднятие обеих рук капитан. — Получается, мы в ином мире? В параллельном?

— Не знаю. Про другие планеты я точно уверен, что они есть. А вот что касается параллельных миров не уверен. Пока что эти миры никто не видел.

— Понял. А Ромка-то каким боком подгадил?

— Ты видел, как мы с Васькой уделали Воланда? Потом я сделал из него овощ. Без воли и без личности. Но память-то у него оставалась! А в памяти у него было и про то, где мы. И про то, как нам вернуться на Землю. И еще многое другое. Полезное. И я бы все это легко вытащил. Я взялся лечить Василия, а сей пакостник сзади подобрался и добил колдуна. Горло перерезал. Вот скажи мне, Аркадий, кто их в армии воспитывает?

— Чечены их воспитывали.

Непосредственным примером. Зверьята, блин, получились! Молодые. Так думаешь, мы попали? Не может быть, что это Земля?

— Попали. Как бы тебе объяснить... На земле есть инфосфера. Она состоит из остатков мыслей и желаний людей, населяющих планету. Я не умею полноценно читать инфосферу, но я ее чувствую. Здесь эта инфосфера отсутствует. Вообще. Нету. А что сие значит? Это значит, что планета девственная. Или близкая к таковой.

— Слушай, как тебя зовут? По настоящему.

— Федор я. А он Василий.

— Обоим вам примерно за сороковник?

— Ага. За сто сороковник, если уж быть точным.

— Ни хрена ж себе! Так вы, получается, старички?

— Если бы! Мы сопляки по колдовским меркам. А по сравнению с Воландом так просто-напросто инфузории. Даже эмбрионы.

— Однако, не он вас прибил. А наоборот.

— Учителя у нас были разные. А это очень важно. Иногда это и решает.

— Слышь, Федор. У тебя нет мыслей, где бы найти какую-то еду?

— Мысли есть. Но тогда тебе придется здесь караулить.

— Сделаю.

— Извини, конечно. Но для меня васькина жизнь... в общем, имей ввиду, что сие для меня святое.

— Понял. Ты не беспокойся.

— Ладно. Пошел.

И я полетел в сторону недалекого моря.

Рыбалка в исполнении колдуна практична и скучна. Вот смотрю я и вижу, какие-то большие рыбы с увлечением гоняются за мелкими. Подлетаю. Зависаю. Потом подхватываю левитацией здоровенную пятидесятикилограммовую живую торпеду и лечу с ней к берегу. Все.

Застаю Аркадия на старом месте пытающимся разжечь костер из плавника. Ромка теперь тоже на траве, но немного поодаль. Он перевернут на живот, на его руках блестят наручники. Круто!

Делаю «Малый огонь», и костер начинает гореть. Ага, на траве лежат две фляжки. Это хорошо. У меня тоже есть, а Васька никогда их не носит. Нахожу камень и делаю маяк. Если что, сюда можно будет прыгнуть порталом.

— Пойду, поищу где-нибудь воду.

— Пойдешь? — фыркает Аркадий.

— Моряки по морям ходят. А я что, по воздуху уже не могу?

— Логика, Федя, у тебя железная.

— А то ж!.. Да, без меня пока рыбку не ешь. Надо будет ее еще проверить на белковую совместимость.

— Во как! А если ее нет? Что тогда будем делать?

— Нет у меня ответа. Пока.

Воздух был соленым и сладким одновременно. Соленым от моря. Сладким от чистоты, которой никогда уже не достигнет воздух Земли. Я поднимался вверх, и панорама двух островов раскрывалась передо мной все шире. Острова были очень длинные, они были вершинами двух подводных горных хребтов. Наш был в длину километров тридцать. За дальним его концом был пролив, а дальше под углом и немного назад шел второй остров, более короткий. Длиной километров пять. Эти два острова сплошь состояли их невысоких гор покрытых лесом. Этакая Новая Зеландия. В миниатюре. Я поднимался до тех пор, пока далеко сбоку не увидел темную полосу. Там какая-то земля. После этого я спустился и полетел вдоль берега. И быстро нашел искомое. Устье небольшого ручья. Вода была холодной и вкусной. Я сотворил портал и вышел из него у костра.

Аркадий поджарил рыбу. Сделал что-то типа шашлыка. Желудок тут же взбунтовался, в нем началось урчание. Пора снимать пробу.

Белки рыбы прекрасно совместились с нашими желудками, а рыба оказалась тунцом. Так сказал Василий, и мы с Аркадием спорить не стали. Труп колдуна от греха сожгли. Затащили на большую кучу плавника и подпалили. Скелет ожидаемо остался цел. Ну и черт с ним! Пусть валяется. Поэт пока не ходит, но летать может. Подлетел, долго смотрел и с очень умным видом изрек: «Металлокерамика!»

Остров большой. Жить тут можно, но это бессмысленно. Надо лететь на ту землю, которую я увидел с высоты далекой полоской. До нее километров сто, может и больше. Но иного выхода у нас просто нет.

Дело в том, что я покапался в тех клочках памяти, что успел выхватить у умирающего Воланда. Именно что покопался. Бессистемная куча непонятого, требующего расшифровки. Там был кусочек о некоем могущественном существе, с которым враждовал Воланд и у которого хотел окончательно отобрать планету. Больше по этой теме пока ничего не отыскалось. И кстати, Воланда звали Атеп. Как я и думал, «Воланд» это его ненастоящее имя.

Вот это не понятное до конца существо, видимо, и требуется найти. Вдруг от него мы узнаем, как вернуться домой. Самсон там, боюсь, извелся.

Полетим отсюда завтра. Если что, только вдвоем — я и Васька. Романа с собой не возьму. Вот не хватает как-нибудь проснуться с перерезанным горлом. У Романа в результате зомбирования выработалась просто-таки непобедимая злость к колдунам. И теперь, если поставить ему закладку на нанесение вреда, получится столь мощный внутренний конфликт, что не берусь даже спрогнозировать последствия. А на острове он спокойно проживет. Тут есть птички, рыба — станет индейцем. Аркадий вроде бы, желает идти с нами. Его вполне можно взять.

Ночь принесла лишь большое расстройство. Звезды на небе чужие. И луны нет. Совсем. Сильнее всех почему-то расстроился Аркадий, хотя что он на той Земле потерял? Верю, все будет хорошо, и я вновь увижу Самсона. Мы с Васькой всю ночь проговорили и решили сделать все возможное, чтобы отыскать путь домой. Мы вернемся!

Глава 2. Валакордюжа

Скромник

Перелет был долог, но не очень труден. Температура воды здесь соответствует субтропикам. Поэтому у нас всегда была возможность отдохнуть. Летели, летели. Устали. Упали и лежим отдыхаем, ванны принимаем. Поэт в целях безопасности применял какой-то «Подводный свист». Якобы акулы его боятся. Меня заодно научил. К вечеру у меня появилось беспокойство, что я неправильно взял направление. Предложил поэкономить воду. Но Поэт пресек мои глупости, взмыл вверх и сразу нашел нужный берег. Не особо мы и отклонились. Над полосой прибоя пролетели уже в темноте. Берег равнинный, порос смешанным лесом. Поэт выловил хорошего тунца. Сидим жарим, обсуждаем, где нам найти соль. И тут возвращается Аркадий, который ходил вдоль берега в целях найти и запечь бродячего краба.

— Слышь, Федор. Пойдем, посветишь. А то непонятно.

Пошли. Оказалось, Аркадий нашел старое кострище. Здесь есть люди.

Утром встал первым. Энергии норма, настроение отличное, дураки, слава богу, закончились. Что не встать-то? Полетал для разминки. Ты моя хорошая! В ста метрах от нас речушка. Как мы ее вчера не заметили? Полетел купаться. Морская соль, засохшая на теле — вещь не очень приятная. Дальше все как всегда. Сполоснулся, постирался, сушу одежду «Заключением от воды». Поверьте, никого не трогаю. И тут чувствую, кто-то на меня направил вектор «Поиска цели». Прimitивная школярская привычка для неумех. Ухожу с директрисы, бью «Морфеем». Отвратительно. Ибо результат нулевой! Снова вектор «Поиска цели», опять ухожу. Два вектора у меня есть. Делаю мысленно триангуляцию. Вон он там, в тех кустах. Делаю ему за спину портал. Выскакиваю из него и чувствую сильный артефакт. Сходу иду на жесткий физический контакт и чуть не сворачиваю кому-то шею. И кто он таков? Молодой парень, шея цыплячья. Срываю.

Только сейчас и заметил, что носился по берегу в голом виде.

Дураки неистребимы. В данный момент я сижу и изучаю одного из них. Вот он. Зовут Валакордюжа. Местный служитель Атепа. Просто Атепа. Атеп не Бог, зачем ему родовое имя Бог? Если оно есть, то значит существуют другие Боги,

которых зовут не Атеп, а как-то по-другому. Пытаюсь донести, что Атепа уже нет. Кончился. Валакордюжа не верит. В процессе разговора с ним изучаю новый неизвестный язык. Зная восемнадцать, девятнадцатый уж как-нибудь осилю. Язык не сложен, похож чем-то на немецкий. Для создания новых понятий слова тупо склеиваются одно с другим. Слово Валакордюжа обозначает «мастер больных зверей». Другими словами, он ветеринар. Или Айболит, тут кому как нравится. И правда, парень типичный целитель. Вся боевка, которой он по мне пытался пулять, сосредоточена в артефакте. Артефакт сейчас как раз крутит Поэт.

Одет Валакордюжа нестандартно. Свободный балахон до пояса и набедренная повязка. Ноги голые. Сандалии у него простые римского типа. И — внимание! — все это в серо-желто-зеленых разводах. Камуфляж, что ли? Живет Валакордюжа в Месте Служения и следит в нем за порядком. Он носит на шее камень наказания и он отвечает перед Атепом. Нет, он не единственный мастер в Месте Служения. Есть Валабердана — мастер зеленых побегов. Есть Валаредира — мастер твердых вещей. И есть Валацикедира — мастер вкусных вещей. Мастерам дана частица силы Атепа, всем остальным сила Атепа недоступна.

И тут вдруг Поэт, вполуха

прислушивающийся к разговору, задал вопрос.

— Спроси, что такое Валабуэна?

Я спросил, маленько поуточнял и ответил.

— Такого не существует. Но если бы существовало, то это был бы мастер хитрых ударов.

— Федя, а ты веришь в мистику?

— Не верю. Что это такое, Валабуэна?

— Вальбуэна — футболист. Очень хороший, член сборной Франции.

— Не вижу никакой связи. Чистый бред и дикое совпадение.

— Вот и я говорю, никакой связи, чистая мистика.

Скоро уже обед, пора подбивать итоги крайне содержательной беседы. Начинаю доклад.

— Это остров. И до непонятого пока Места Людей других островов нет. Если плыть на лодке, то до Места Людей придется добираться около ста дней. Это если точно знать, куда плыть. У меня появился план. Основная его посылка — в Место Служения пока идти нельзя.

— Это как? Почему нельзя-то?

— Здесь живут простые и законопослушные люди, у которых тысячелетниетрадиции и законы, и которые не представляют себе, как их можно не выполнить. Первый из законов требует, чтобы никакие чужаки не проникли в Место Служения. То есть они постараются сделать все, чтобы мы там не

оказались. И выполняют все наши требования и условия. Второй же закон говорит, если мы там окажемся, то они должны нас непременно убить. Невзирая ни на какие жертвы. Нам такое надо? Не надо.

— А какие требования они смогут выполнить?

— Здесь была главная база Атепа. Значит, припасы на дорогу. Нам необходима посуда. Котелок, кружки, ложки. Парень говорит, с этим нет проблем. Далее, если мы сможем им нормально объяснить, они попытаются нам сделать рюкзаки. И основное, у них есть лодка. С парусом.

— А отдадут ее?

— Отвечающий за нее Валаредира будет против. Но его можно уговорить.

— Нас не обманывают?

— Сложилось впечатление, что они совсем не умеют обманывать.

— Ты ему поверил? А вдруг эта информация — «липа»? — внес свою лепту Аркадий Михалыч...

— «Липа»? Под «Правдолюбом»? Такого не бывает, — ответил за меня Поэт.

— Так что решим? Принимается?

— Ладно, пока пусть так.

— Присоединяюсь. Пойдет.

Тунец без соли, сие в общем-то неплохо. Но

подержите на этой диете некоторое время своего злейшего врага, и он будет вас умолять о пощаде. Умолять о пощаде было некого, и мы приняли решение добыть крабов, которых вполне можно есть даже без соли. Тем более, я выяснил у Валакордюжи, где их можно было наловить. Оказывается, мы вчера проскочили в темноте несколько совсем крошечных скалистых островков, на которых по уверениям Валакордюжи крабы кишели.

Однако, задуманная экспедиция не состоялась. Поэт уже оторвал свою задницу от земли и, по-сибаритски скрестив ноги, восседал в воздухе.

И тут мы увидели людей. Они вышли из-за деревьев. Впереди, постоянно оглядываясь и что-то этим людям втолковывая, шел Валакордюжа. Люди несли сосуды. Из сосудов шел запах. Нет, не так. Запах!! Его мы ощутили метров за пятьдесят, и с приближением делегации его великолепие лишь нарастало.

Пахло нормальной едой! Аркадий как-то внутренне подобрался, наверное стал прикидывать последствия возможного отравления. А Поэт, все так же сидя в воздухе, сделал стойку. Однако, не на еду. Центральной фигурой делегации была выдающихся качеств брюнетка с классной фигурой и очень умными глазами. На ней тоже балахон, но

женский вариант — длиной почти до колен. Именно ей следовало быть главной, а не мальчишке с циплячьей шеей. Или женщинам здесь нельзя? Сразу же формулирую себе задачу — быть не глупее сей дамы. Иначе оно чревато.

Выхожу вперед, встречаю делегацию на полдороге и предлагаю Валакордюже представить дорогих гостей. Ага, это и есть Валацикедира, делающая пищу столь вкусной и полезной, что ее не брезгует иногда есть сам Атеп. А взгляд-то каков? Королева, снизошедшая до твари дрожащей. Так обломись, королева! «Правдолюб» тебе в голову! И очень прямой недипломатичный вопрос.

— Вся ли принесенная вами пища вредна для здоровья?

Сильна. Пытается молчать. Но наконец, не выдерживает.

— Вся.

— Уносите! Нам не нужна отрава. Ты и ты — указываю я на побледневшего парня и бывшую королеву — останетесь! А ведь она все смотрит. Как она на меня смотрит-то! Е-мое, я туплю! Морфей! Морфей!!

Вечер в субтропиках очень трудно описать. Это нечто. Тихий и нежный, как мечты девочки-подростка. Тем более на этом благословенном острове, где совсем нет

кровососов. Насекомых достаточно, но они не агрессивны и не кидаются на людей. Заняты своими делами. Цикады цикают, жуки с жужжанием пикируют на неведомые цели, что-то мелкое мельтешит и роится. Как Воланд... тьфу!.. Атеп сего добился, никто и никогда не узнает. А жаль.

Наступает ночь после тяжелого дня. Допросы, допросы, допросы. Выяснял причины, выяснял настоящее устройство власти в деревне. Все, кончилось Место Служения и больше его не будет. Мы не собираемся больше с этими ребятами цацкаться. Завтра пойдем и установим там свою власть.

Как выяснилось, власть Первого мастера была хоть и хлопотной, но поверхностной, организация трудовых будней общины, присмотр за порядком и утренняя проповедь, славящая труд во славу Атепа. На посту Первого раз в два года менялись Валакордюжа, Валабердана и Валаредира. Валацикедира всегда была Второй, то есть помощником Первого. Как раз ей и принадлежала реальная власть.

Слишком страшной магией она владела. Я понял, что никакой кулинарной магии не существует, в самый последний момент. Когда она уже зафиксировала на мне взгляд убийцы. Кулинарной магии нет, но есть такая опаснейшая штука, как магическая биохимия, с помощью

которой можно изменять и химический состав пищи, и химический состав человеческого тела. Айн! — и вам станет вкусно, цвай! — и вам будет ядовито. С Первым мастером можно было поспорить, если требовало дело. Те, кто поспорил со Второй, редко доживали до вечера.

Главным делом этой Упырихи была ежевечерняя молитва в Храме. Только ей позволялось войти в его тьму при свете звезд и провозгласить там особую доверенную только ей молитву-заклинание. Упыриха это наизусть заученное заклинание не понимала, но Атеп говорил, что без этого размеренная жизнь рухнет, а Валацикедиру ждет жестокое наказание.

Тайным же делом, которое Вторая долгие годы исполняла для Атепа, была евгеника, то есть искусственный отбор. Он считал, что весь обслуживающий его персонал должен быть профессионален, предельно исполнительен и безусловно лоялен. Все, что выбивается за эти критерии, подлежало пропальванию. Вот злая Упыриха это пропальвание и осуществляла. На место выбывших Атеп поставлял новых членов общины из какого-то поселения, называемого Место Людей. Навыки профессионализма и послушания закреплялись, а из-за притока новой крови община не вырождалась. Методично и четко выводилась особая порода слуг.

Мы с Поэтом впечатлились и теперь в чем-то понимаем женеvский запрет на магически-ассоциированную науку. На Земле такое пока, мягко говоря, не требуется.

Хотя... Посредством подобных технологий отравления можно не только наводить, но и лечить. И более того, со временем даже можно научиться управлять своим метаболизмом. Перспективы здесь просто невообразимые. Но не сейчас. Слишком уж много дураков. Вот когда люди маленько поумнеют, тогда оно пожалуйста.

Еще об Упырихе. Она была черной. От каждой смерти она подпитывалась, тем и жила. Жила долго, ей уже было больше четырехсот. Что о ней еще сказать? Упыриха! Я ее после долгих допросов полностью разобрал. Именно так, как хотел когда-то разобрать Атепа. Все по-отдельности и в «туман». Потом буду смотреть. Что-то наверняка уничтожу, но что-то, может, и оставлю. Поэту я сказал. Он в курсе.

Тело Упырихи показали местным, после чего отпустили их домой. Не всех. Трое сейчас сидят на песке и о чем-то беседуют с Козодоем. Таким способом он пытается осваивать местный язык. Поэт слетал, наловил крабов. Запекли и съели. После тунцовой диеты недурно. Завтра поедим в деревне. Но там будет весьма не просто из-за того, что местные свято верят — Атеп вернется. Его

убивали уже много раз. Он всегда возвращался. И жестоко карал своих врагов. По сведениям из головы упырихи, в возрождении Атепа играла важную роль некая «акуна». Сам процесс возрождения занимал ровно девять дней, и новенький Атеп вновь являлся миру. Так что, община пока настороже. И будет ждать.

На мой вопрос, что такое «акуна», Поэт ответил сначала ожидаемо: «матата». Но уяснив смысл, страшно взволновался и заявил, что это легендарная филактерия личей. Я тоже что-то такое вспомнил. Кощей Бессмертный и его смерть на конце иглы, а игла вроде как в яйце. Сказки всякие, блин. Мы по уши в сих сказках. На прямой вопрос, что такое филактерия, Поэт лишь широко развел руками. Да ладно, черт с ним, с Атепом. Пусть возрождается в своей непонятной филактерии. Интересно, как он это сделает без уникальной личности, которая в данный момент полностью замкнута у меня в интросфере.

А что случится, если я вдруг умру? Не знаю, но умирать мне нельзя. Умирать расхотелось.

Глава 3. Деревня

Скромник

Ну не паразиты ли? С вечера Поэт поставил какие-то сигналки и сказал, что этого хватит, а значит всем можно спокойно спать. Я и уснул. Все-таки я вчера прилично умотался. Просыпаюсь по чисто бытовым нуждам. У костра сидит Козодой и вяло клюет носом. Тем не менее, не спит, дежурит. Завершив бытовые нужды, учиняю ему спрос. Заговор! Я видите ли, у них спец по нетравматической боевке, завтра понадобится в полной готовности, а поэтому должен как следует отдохнуть. Вдруг война, а я уставший. Если выберу жену, сразу же отправлю ее, заразу, к этой парочке на перевоспитание.

И тут Аркадий вдруг говорит.

— Если можно, не зовите вы меня Аркадием. Давайте уж Михалычем, что ли.

— Ну можно и так, — отвечаю.

— Сколько живу, а к этому имени так и не могу привыкнуть. Меня раньше спекулянты называли Аркан, и то приятнее.

— Слышь, Михалыч! Расскажи, как ты в Ковирне-то оказался? Я тогда маленько посмотрел, вроде бы на тебя коррупционеры какие-то наехали.

— Так все и было. Тогда был бардак. Законы были старые, а реальность уже новая. Я был еще небитый, и считал, что вор должен сидеть в тюрьме. А воры уже рвались к власти. Ну и надумали те воры показать Аркану его место. Скинулись. Всем городом, похоже, скинулись на такое дело. И начались у меня неприятности. Пропала из моего сейфа папка с очень серьезным делом. Дело развалилось. Всех собак тут же повесили на меня. Началась травля в прессе. Посадить эти черти меня так и не смогли, как ни пытались. Тогда они придумали другое. Потребовали они публичного извинения перед одним криминальным авторитетом. Мол, сделаешь — простим и забудем. Причем, сволочи, озвучили это требование через мое же купленное начальство. Извиняться перед вором в законе я отказался. Пробовали снять погоны, но меня прикрыли. Оставались тогда еще люди. После этого и сунули меня в Ковирну. С понижением в звании.

— Я думаю, что повезло тебе, Михалыч. Вылезти из такой передраги, себя не уронив. А звание это мелочь.

— Сам к этому же выводу пришел. Федя, а не объяснишь, почему на вас Мишка взъелся? Помнишь? Ты говорил, что вроде бы понял причину.

— Понять-то я понял. А вот смогу ли тебе

объяснить? Короче, мишкина психика давно была в неустойчивом состоянии. Следствие ли это контузии, или он был изначально такой, я не знаю. В армии была дисциплина, и все было ему понятно. Это был внешний стержень. А на гражданке все стало непонятно, внутренний же стержень у Мишки был слаб. Или вообще отсутствовал. Ему еще только предстояло сформироваться. А Кутейкин, паразит, всем вам вставил позитивные закладки, вызывающие симпатию. Я эти закладки уничтожил. Твоя, Михалыч, здоровая психика сразу же вернулась к обычному состоянию. А Мишкина не смогла вернуться, потому что его внутренний стержень уже начал формироваться под влиянием этой самой закладки. Понимаешь? Симпатия к Кутейкину стала для Мишки базовой установкой. А мы обидчики хорошего Кутейкина. Значит, мы с Поэтом кто? Нехорошие плохиши.

— Все понятно. Хорошо ты умеешь объяснять. А можно еще вопрос?

— Можно. Давай.

— Почему Василя зовут Поэтом? Он что, стихи пишет?

— Это старая кличка. Еще с училища, специального московского училища для колдунов. Короче, в третьем классе его стали учить боевке. Преподавали это дело японцы. Давали каратэ, кэндо и ниндзютсу. А Васька-пацан возьми да и сочини

про них стишок. А этот стишок возьми да прилипни. Как там оно было?

Цагами бьет ногами,
Гокку рубит сбоку,
А Торемазу убивает сразу.

К Ваське же приклеилось прозвище Поэт. Но он и сейчас иногда стихи сочиняет.

— Ох и непростые же вы люди, Федя. А я-то пень деревенский.

— Я сын крепостной чесальщицы льна и мелкого разбойника. Тоже далеко не дворянин. Тут важно не кто откуда начал, а кто докуда смог дойти. Как сам думаешь, Михалыч?

— Удивительно. Умные вы ребята. Но и неплохие. Думал, таких нет.

Я лег и стал смотреть в небо. Звезд было много. Звезды были совершенно чужими. Я был отдохнувшим, и на душе было странно приятно. И легко.

— Значит, договорились. Летим, опускаемся. Любую агрессию Федя гасит массовым «Морфеем». На сколько заклинаний тебя хватит?

— Если без отдыха, на три. Массовые, они энергоемкие.

— Ладно. Если ты выдохнешься, то я

включаюсь. Вот тогда уж точно никому мало не покажется.

— Верю. Но ты все-таки... не особо.

План был универсален и прост. Мы еще не знали, что от него останутся жалкие руины и развалины после столкновения с реальностью. А кто на нашем месте сумел бы все случившееся предвидеть? Пожалуй, никто.

Летели втроем, ориентировались по речке, по берегам которой выше по течению и располагалась деревня. Еще на подлете почуяли неладное.

— Воняет! — сказал Поэт. — Фу ты, какая мерзость!!

— Похоже на сероводород, — отметил я.

— С добавками, — уточнил Поэт. — И тоже весьма вонючими.

— Что-то там протухло большое, — констатировал Михалыч.

— Очень большое, — согласился с ним Поэт.

Пролетели над небольшим полем. На его краю стояла группа испуганных людей, которые, увидев нас, мгновенно скрылись в лесу. За полем местность пошла выше, и началось, собственно, поселение. Оно было пусто. Пусто по вполне понятным причинам — здесь можно было совершенно спокойно повесить в воздухе огромный колун, и не один.

— Да что же это такое?! Чем они тут

занимались? — возмутился Поэт.

— По-моему, воняет вон от той штуки, — предположил Михалыч.

— Давайте поднимемся выше, — решил я. — Этот едкий запах должен быть тяжелее воздуха.

Действительно, вверху стало легче. «Штукой», от которой пахло, была приземистая серая пирамида из камня, стоящая на краю деревни. Окон она не имела, только вход, возле которого растеклась желтая жирная клякса мерзкого вида пузырящейся слизи. Судя по всему, эта самая слизь и воняла.

— Какая-то авария на ихнем химкомбинате, — попытался хохмить Михалыч.

— Кажется, я понял, что это за химкомбинат, — сказал Поэт. — Но надо бы кое у кого уточнить.

И мы полетели искать кого-то из тех, у кого можно было уточнить.

Очередную группу жертв газовой атаки мы обнаружили рядом с пасущимся овечьим стадом. Они о чем-то спорили, а когда заметили нас, было уже поздно удирать. Главной в этой небольшой группе была достаточно симпатичная, но излишне сублильная молодая женщина. Опустившись на землю, я сразу подошел к ней и представился.

— Я колдун Федор. Я победил в бою и убил

Атепа. Кто ты?

Видимо, жестковато я начал. В глазах женщины заплескались страх и обреченность. Опустив голову, она сначала попыталась ответить, но потом упала на землю и, уже лежа, забормотала, что ее, крайне полезную женщину, зовут Валабердана, что она ничего плохого не сделала и что не стоит ее, полезную женщину, сразу убивать.

— Я не собираюсь вас убивать. Я хочу, чтобы здесь все было как прежде. Даже лучше прежнего. Я хочу, чтобы все продолжали трудиться, каждый на своем месте, я хочу чтобы с каждым днем улучшались результаты ваших трудов. Встань, Валабердана, и расскажи, чем ты занималась. А еще лучше покажи мне результаты своих трудов. Но сначала расскажи мне, что тут у вас стряслось, и откуда появился столь плохой запах?

Если надо успокоить истинного профессионала, напомните ему о привычных обязанностях. Валабердана отряхнулась, встала и принялась рассказывать о том, как ночью люди проснулись от странных и гулких вздохов в Храме Атепа. Потом раздался грохот, и пошел дурной запах. Люди испугались происходящего и приготовились к бегству. Под утро вздохи прекратились, однако запах усилился. Молодой Валакордюжа решил подойти к Храму и посмотреть, что же в нем такое творится. Но едва

он осторожно заглянул в темный провал входа, оттуда выплеснулась мерзкая желтая жижа, облепившая Валакордюжу. Он страшно кричал, но булькающая желтая жижа полностью съела его. Тогда жители бежали кто куда. А она пыталась уговорить пастухов, чтобы они не убегали в горы просто так, а уводили за собой стадо овец. Но глупые пастухи сильно боятся, они не слушают ее.

— Теперь скажи Валабердана, отчего все это случилось. Как ты думаешь?

— Потому что Валацикедира хотела отравить вас. А вы ее убили. Поэтому она не прочитала свою вечернюю молитву. Из-за этого Храм, как и предсказано было, начал разрушаться. Люди теперь не знают, что с ними будет дальше. Все боятся. Всем страшно.

— Мы сейчас пойдем и уничтожим Храм вместе со всей мерзостью, что оттуда вытекла. А вы после этого вернетесь к своим домам. Ты, Валабердана, назначаешься мной Первым мастером. Постарайся, чтобы люди не разбежались слишком уж далеко. Все понятно? — обвел я грозным взглядом напуганных пастухов. — Слушайте Валабердану!

Глава 4. Деревня

Поэт

Когда доживу до старости, соберу вокруг себя социологов там, психотерапевтов. Других человеколюбов. И скажу, не майтесь, ребята, дурью. Не надо. Человек непредсказуем. Займитесь-ка парни лучше полезным трудом.

Думаете, что я не прав? Вот поговорил Скромник с этим мастером свежих ростков. Выяснили мы у нее, чего хотели. Все сразу стало ясно — начинается моя работа. Надо лететь и жечь. Или что там еще потребуется, чтобы уничтожить свихнувшуюся филакерию Атепа.

Но нашему Михалычу не до этого. У нашего Михалыча совсем иное на уме.

— Ребята, — говорит он. — А что если я пока Вале помогу? Ей одной сложно, а у меня тут сразу все забегают.

Вы не видели выражение лица теленка, после того как он бодался с дубом? У Скромника в сей интересный момент было точно такое же странное лицо.

А с другой стороны, почему бы и нет? Мы выбираем, нас выбирают... Нормально это. Михалыч вполне взрослый и адекватный человек.

Так мы ему и сказали.

Прав Скромник. Многократно прав. Надо мне осваивать магическую химию, а газовую химию в первую очередь. Сейчас бы — р-раз! — и ничего уже нигде не воняет. Но пока нас спасают только мокрые тряпки, которыми замотано лицо. Вонь рядом с пирамидой стоит потрясающая, прямо глаза режет!

Желтая лужа кипит, корчится и методично выпускает из своих недр большие газовые пузыри. Но это всего-навсего органика, а значит высокие температуры для нее обязательно будут смертельными. Уже почти полчаса утюжу желтую едкую дрянь огненными шарами, а Федя делится со мной маной. Свою я практически всюистощил. Да, огненный шар — простейшее заклинание, боевой примитив. Зато у него наибольший выход мана-энергия, а нам сейчас именно это надо. Все, Федя тоже говорит, что почти истощен. Еще пара шаров, и... Отдых. Нас ждет милая речушка.

Как рабы на галерах, даже утомительнее. Ни в одном страшном сне не мог предположить, что боевка может выродиться в настолько тупой монотонный труд. Что мы сделали? Выжгли всю ту гадость, которая растеклась вокруг пирамиды. А Федя сжег еще и траву вокруг. Там здорово

брызгало, поэтому на всякий случай решили перестраховаться. Уже вечером я попытался долбить «Молотом Тора» по вершине пирамиды, чтобы ее сломать. Сейчас обдолбаная пирамида в трещинах, верхний камень провалился куда-то вниз. Там сейчас дыра. Завтра, может быть, добьем. Но послезавтра точно добьем. Сделали себе новый лагерь на берегу речки. Федя слетал проведаль Михалыча. У него все нормально. Даже более чем нормально. Федя говорит, что у Михалыча глаза горят. Руководит беглецами так, что искры от людей скоро посыплются. А «Валечка» готова на него молиться.

Странно это. Хороший человек на Земле оказался не нужен. И только среди чужих смог найти для себя место. Вот объясните мне, почему нет пророка в своем отечестве? Надо будет как-нибудь Самсону этот вопрос задать. Хотя какой Самсон?! О чем я?

Долой мысли. Спать хочу.

В незапамятные времена это заклинание придумал древний колдун. Звали его Тор. Только он совместил его с иллюзией. Чтобы впечатлить противников. Представляете, иллюзорный молот поражает противника, от которого остается мокрое пятно. А потом молот возвращается в руку колдуна. Иллюзию с течением времени убрали, ибо

невозможно стало дуриль людей, которые все уже прекрасно понимают. Так зачем впустую тратить ману?

Заклинание сложности запредельной, но классное. Никто его толком не понимает, однако есть мнение, что оно связано с гравитацией. Как, каким боком, хоть убейте — не знаю! Вот и долблю как дятел. Бамм! — только камни посыпались. Бамм! — и снова посыпались. Бамм! — трещина пошла. Широкая! Ой, мама! Ну куда же все это добро поехало?

Такая мама. Была пирамида, а стала яма! В яме камни вперемешку с желтой жижицей. Значит что? Будем жечь!!

— Федя, ну зачем тебе туда? Что там может блеснуть? Ладно, ладно. Лезь, подстрахую.

— Вась, тут крюк нужен, чтобы зацепить, и веревка. Будь другом, слетай до кузницы, там какие-то клещи были.

— Итак, ваши предположения, сэр.

— Электрод это. Фигурный. Вон и шина подводящая болтается.

— И какие отсюда выводы?

— Это не магическая химия, Вася. Это магическая электрохимия. К тому же каталитическая.

— Это откуда такие сведения?

— Возьми-ка. Что скажешь?

— Тяжелый.

— Это не медь, Вася. Это какой-то металл платиновой группы. Подобные электроды применяются для катализа в электрохимических процессах.

— Теперь скажи, какая нам от всего этого польза?

— Абсолютно никакой пользы нет. Кроме понимания.

— И как ты это понимаешь?

— Нам с нашим уровнем знаний не стоит и пытаться выяснять, как все это работало. Бесполезно. Ну вот, здарсьте. Чего ты ржешь-то?

— Так я не пытался выяснять. Это ты пытался.

— Что, все закончили? По домам, что ли?

— Тут еще надо будет камнями засыпать. Что-то типа кургана сделать. И потом все деревьями засадить.

— Это пусть сами местные. Это без меня.

— Постой, вон кто-то идет сюда.

— Михалыч это. Похоже, что со своей ВалеЙ.

— Получается, приемная комиссия пожаловала?

— Вроде бы, так.

— Здорово, Михалыч!

— Здорово, Федор. Здравствуй, Василий.

— Ну вот, мы закончили. Запах выветрится, и можно будет возвращаться.

— Вы-то закончили, а наши проблемы только начинаются.

— И что это за проблемы, Михалыч?

— Соль. На этом острове, оказывается, нет соли.

— А как же раньше жили?

— Где-то в той стороне есть небольшой заливчик. Его называют Солёный залив. Там расположена магическая солеварня. Вообще-то это не солеварня... Короче, магией из морской воды соль добывается. Так вот, примерно один раз в десять дней там надо было обновлять... Заклинание, в общем, какое-то. Это делал Валокордюжа, он знал заклинание наизусть. А теперь... — и Михалыч развел руками. — Непонятно теперь, что делать.

— Когда нужно это заклинание обновлять?

— Дней через пять уже нужно.

— Значит, время терпит. Ты вот что скажи, Михалыч. Ты вот говоришь «нам», «мы». Что надумал-то? Остаться здесь хочешь?

— Не люблю быть балластом, Федя. А тут я людям нужен, и мне не плохо. Да и Валя... Короче, остаюсь.

— Тебе жить. А кем ты тут будешь? В

качестве какого-то Смотрящего?

— Нет, Вася. Смотрящим я быть не хочу. Подельником тоже не хочу. Меня вот, Валя окрестила. Папе своему представила, людям. Теперь я Друг Колдунов, Обала.

— Почти Обама. А кто у нее папа, интересно?

— Валаредира. Местный кузнец. Но не совсем кузнец.

— Кузнец!.. Вот ты попал, Михалыч. Кузнец! Поздравляю!..

Глава 5. Солеварня

Поэт

Шторм, он и есть шторм. Ветер, да волны. Главное же свойство шторма состоит в том, что он всегда не вовремя. Представьте себе открытый всем ветрам полукруглый залив со щебенчатым пляжем. В щебенке прокопан метровой ширины слепой канал, куда спокойно заходит морская вода. А параллельно ему еще один канал, уже закрытый от моря перемычкой, куда морская вода попадать никак не должна. Между каналами щебенчатый бугор, через который морская вода просачивается из первого канала во второй. Но не вся вода. На этот бугор наложено заклинание, пропускающее

только воду с ионами хлора и натрия. Все остальные ионы отдыхают. В первом канале. Соленую рапу из второго канала периодически вычерпывают и выпаривают.

Я лежу рядом с этим чертовым заколдованным бугром и пытаюсь понять наложенное на него заклинание. А меня периодически захлестывает волной. Я даже не могу наложить на одежду «Заклятье от воды», так как непонятно, что я тогда буду изучать. «Заклятье от воды» мне изучать без надобности.

Я никак не могу рассмотреть структуру двух симметрично расположенных звеньев заклинания. Она настолько тонка и размыта, что магического зрения не хватает, да еще эти проклятые волны мешают. Я понимаю, что именно эти два звена отвечают за селективность заклинания. Но такого понимания мало. А до срока обновления заклинания осталось всего три дня. И что мне делать? Трясти, как сделал тот нелепый человек из анекдота про дерево? Или же подумать?

Мои сомнения были прерваны воплем «Васька!», донесшимся сквозь пелену дождя. Начался дождь? А я, купаясь в волнах, его и не заметил.

Силуэт Скромника появился на тропе, шедшей от солеварни.

— Пойдем, обсохнешь. Кое-что интересное я

нашел.

— Нашел все-таки?

— Нашел. Но с этими заклинаниями лучше вместе разбираться.

— Пойдем обсушимся, а то я тут уже хотел жабры отрастить.

Следует объяснить, что пока я крайне натурно изучал заклинание селективной диффузии, Федя смотрел записанную им в «туман» память Упырихи. С идеей, вдруг там что-то найдется на эту тему. Судя по всему, что-то нашлось.

Федя очень комфортно расположился в единственной комнате жилого домика солеваров, вытеснив хозяев в рабочую пристройку, где они сейчас занимались профилактическим обслуживанием солеварни. Это не было ни каким-то снобизмом, ни барством. Просто то, с чем Федя тут разбирался, требует предельной сосредоточенности и совершенно не терпит помех.

Федя лег на покрытый слоем сена топчан и сразу предложил.

— Я тебе сейчас буду показывать заклинания, а ты их запоминай. Они сложные. Их около десяти. У меня никак не получается считать и запоминать одновременно. Не хватает сосредоточенности.

— Десять? Сложные? Я попробую.

— Если что, потом опять повторим. Начинаю.
Что сказать, действительно сложные. На седьмом я сдох и остановил Скромника.

— Все. Хватит. Мне надо отдохнуть.

— Сколько запомнил-то?

— Шесть точно. Но что это такое? Насколько я понимаю, это не имеет отношения к диффузии.

— Это лучше, намного лучше. Это то, с помощью чего Валацикедира изучала магическую биохимию. Она как и мы с Земли. В молодости ее звали Ульрика. Атеп сам ее инициировал как Черную, вел ее, пока она не набрала силы, а потом приволок сюда. Тут он ее и обучал. Так вот, обучал он ее как раз с помощью этих самых заклинаний. Это как-то помогало ей преодолевать сложности. Беда в том, что все это было давно, и она их почти забыла. Очень трудно читать.

— Понятно. То есть это...

— Заклинания, действующие на заклинания.

— О как! Я про такое даже и не слышал.

— Подумаешь, он не слышал. Есть многое на свете, друг Горацио...

Что с этим делать? И как нам вести себя, обладая таким? Это дороже золота. В этих девяти заклинаниях спрятана возможность развития магии. Хотя Скромник говорит, что стоит нам предъявить их на Земле, и нас тут же сотрут. Ибо на Земле

всякое развитие магии подавляется искусственно. Я, пожалуй что, вынужден с ним согласиться. И самое обидное, я вполне солидарен с теми, кто ставит на пути развития магии барьер. Не хватает только появления на Земле мерзавок и мерзавцев типа здешней Упырихи.

Как бы то ни было, мы со Скрамником в течение нескольких дней овладели блоком вспомогательных заклинаний, которые невозможно переоценить. Не стоит описывать каждое из них — там очень много специфики. Но среди них есть заклинание, которое мы назвали «Зум». Оно способно выделять из любой магической структуры выбранное звено. После чего позволяет рассматривать это звено крупным планом. Во всех подробностях. Когда мы разобрались с «Зумом», была уже ночь. Штормовая ночь. Тем не менее я сходил на берег и сначала смог понять, запомнить, а потом и обновить заклинание селективной диффузии. То самое, с которого все это дело началось.

Но тут нюанс, то есть не все так просто. Те самые два звена, которые отвечают в этом заклинании за диффузию ионов хлора и натрия, оказались образ-символами. У них не было структуры, соответственно их нельзя было прочесть. Их можно было просто запомнить и тупо применять. Но разобраться как они устроены,

невозможно.

Во многих старых заклинаниях наиболее важные ключевые звенья выполнены в виде образ-символов. Да возьмем тот же «Молот Тора», там действующее звено выполнено в виде образ-символа, и современным магам остается лишь гадать, как оно на самом деле работает. Так и здесь. Поэтому добыча золота из морской воды — увы! — пока остается моей несбыточной мечтой. Образ-символа для иона золота я, к сожалению, не имею.

Стоило нам наладить добычу соли, как шторм закончился. Да это был и не шторм — так себе, непогода. Летом больших штормов не бывает. Вот осенью и зимой... Вот там, да! Так нам объяснили ситуацию с местными штормами солевары.

Ну и пускай. Мы возвращались в деревню по лесной дороге, и спешить нам было некуда. Мне было в охотку пройтись пешком. Кроме того, это было весьма полезно для скорейшего восстановления мышц на моих разбитых ступнях. В кронах деревьев, мимо которых мы шли, изредка вопили какие-то хищные зверьки, похожие на лупоглазых кошек. Дорога в этом месте огибала Гору. Гора была на острове одна, поэтому так и называлась. Мощный двухкилометровый каменный кряж, похоже бывший вулкан. От него в сторону

деревни и дальше шли несколько отрогов, которые назывались «горы». Уже с маленькой буквы.

Телегу мы увидели издалека. Она стояла на перекрестке, там где в основную дорогу врезалась идущая со склонов Горы хорошо набитая колея. На телеге сидели два парня и с эстонской неторопливостью что-то жевали. Рядом с дорогой вяло помахивал хвостом бык и тоже что-то жевал. Идиллия.

Когда мы подошли ближе, идиллия перестала быть таковой. У бедной телеги оказалась сломана ось. И это было неспроста, на нее были навалены какие-то тяжелые камни. Явно перегруз.

— Чего сидим, ребята, чего ждем? — сходу налетел на них Скромник.

— Ждем, когда придет Валаредира. Ось сломалась. Не можем ехать.

— Ладно, пусть так. А Валаредире известно, что у вас ось сломалась? Кто-нибудь ему сказал?

— Нет он не знает. Откуда же он может узнать?

— Так. Что-то я плохо понимаю. Во-первых, как тебя зовут?

— Я Икуга, Ломающий Камни. Я всегда только ломал черные камни, я никогда их не отвозил. Меня заставил везти Обала. Это плохо.

— Кому ты везешь эти камни? Для чего камни нужны?

— Эти камни для Валаредиры. Он из них сделает железо.

— Ось сломалась. И теперь, похоже, железо никто не сделает.

— Обала не должен был меня заставлять возить камни. Он виноват.

— Камни к Валаредире должны возить другие?

— Это всегда делал Худага, Возящий Камни.

— По каким же причинам Обала послал тебя?

— Худага сломал ногу, когда Храм испортился и все убежали.

Этот идиотский разговор чем дальше, тем больше меня бесил. На мой взгляд, все и так было ясно.

— Федя, сделай-ка этому хмырю «Правдолюб». Пожалуйста.

— Можно. Все, сделал.

— Икуга, ты специально нагрузил так много камней? Ты хотел, чтобы у этой телеги сломалась ось?

— Да. Я хотел, чтобы у телеги сломалась ось, и все поняли, что Обала делает плохо. Атеп говорил, что все, кто нарушает порядок должны умереть.

— Что и требовалось доказать, Федя. Тихий идиотский саботаж.

Глава 6. Суд

Скромник

— Ну и что с этим хмырем делать, Михалыч?

— Как что? Конечно же будем его судить. Я на эти суды за свою жизнь насмотрелся и давно мечтал устроить нормальный правильный суд.

— Что значит, правильный суд? Это что за суд, Михалыч?

— Это значит, Василий, что все решения принимать должны люди. А закон должен быть в их руках не более, чем инструментом. Понимаешь, хорошим и удобным инструментом в руках людей. И этот принцип должен быть принят открыто, явно и честно. Люди главное, поэтому они должны стоять над законом, а не наоборот. Чтобы не было больше таких глупостей, когда человека, защищавшего свою семью от бандитов, в строгом соответствии с законом выставляют убийцей.

— Не боишься, Михалыч, что такая политика выродится в произвол?

— Произвола, Василий, и без этого достаточно, поверь. Я знаю, о чем говорю. У меня друг был, следователем в убойном отделе работал. Взяли они как-то по горячим следам мажора, в пьяном виде сбившего женщину. Мажор сразу

раскололся, все признал. Да куда там! Набежали адвокаты и мгновенно все отыграли назад. Папа задействовал свои связи. Короче, мажора этого выпустили. Пожилую женщину объявили пьяной. А друга обвинили в физическом давлении на подследственного. Он не стал настаивать и отделался простым выговором. Умные люди ему потом объяснили, что сын заместителя мэра для простого следака лицо неприкосновенное. И все по закону. Дело до суда так и не дошло — не было состава преступления.

Кто в случившемся виноват? Заместитель мэра свою роль в этом деле не афишировал. Судья не виноват, так как суда не было. Да и будь суд, судья выполнит волю власть предержащих, так как от них зависит. Остается что? Закон! Все исключительно по закону. Все претензии к нему. «Закон суров, но это закон!» Короче, сплошная обезличка.

Теперь представь себе, что решение по делу принимает группа уважаемых людей, имена которых широко известны. Они пользуются законом, но как справочным пособием. Исключительно для облегчения принятия решения. Но решение принимают сами. И отвечают за него перед людьми тоже сами! Отвечают своей репутацией, своим положением в обществе. Совсем другая картина!